

НАЦІОНАЛЬНІ ТА МІЖНАРОДНІ МЕХАНІЗМИ ЗАХИСТУ ПРАВ ЛЮДИНИ

УДК 341.21(569.1)

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ ДЛЯ СИРИИ

Евсеев А. П.,

научный консультант судьи
Конституционного Суда Украины,
г. Киев

Аннотация: в статье рассматриваются возможные пути осуществления международного правосудия для преступлений, совершенных в Сирийской Арабской Республике. Последовательно анализируются возможные альтернативы: создание отдельного международного трибунала ad hoc, передача дела в Международный уголовный суд, создание гибридных трибуналов на территории Сирии с участием иностранных судей, осуждение военных преступников национальными судами иностранных государств. Особое внимание уделено квази-судебному международному беспристрастному и независимому механизму по Сирии. Делаются отсылки к опыту уже состоявшихся международных уголовных трибуналов, в частности по Руанде и бывшей Югославии. Формулируется вывод о необходимости создания институтов транзитивного правосудия на многострадальной сирийской земле.

Ключевые слова: война в Сирии; международное уголовное правосудие; гибридные суды; международный беспристрастный и независимый механизм по Сирии; универсальная юрисдикция; соглашения о перемирии; массовые нарушения гуманитарного права.

Анотація: у статті розглядаються можливі шляхи здійснення міжнародного правосуддя для злочинів, скоєних в Сирійській Арабській Республіці. Послідовно аналізуються можливі альтернативи: створення окремого міжнародного трибуналу ad hoc, передача справи до Міжнародного кримінального суду, створення гібридних трибуналів на території Сирії за участю іноземних суддів, засудження військових злочинців національними судами іноземних держав. Особливу увагу приділено квазі-судовому міжнародному неупередженому і незалежному механізму щодо Сирії. Робляться відсилання до досвіду визнаних міжнародних кримінальних трибуналів, зокрема по Руанді і колишній Югославії. Формулюється висновок про необхідність створення інститутів транзитивного правосуддя на багатостраждальній сирійській землі.

Ключові слова: війна в Сирії; міжнародне кримінальне правосуддя; гібридні суди; міжнародний неупереджений і незалежний механізм по Сирії; універсальна юрисдикція; угоди про перемир'я; масові порушення гуманітарного права.

Annotation: the article examines possible ways of implementing international justice for crimes committed in the Syrian Arab Republic. The possible alternatives are analyzed consistently: the creation of a separate international ad hoc tribunal, the referral of the case to the International Criminal Court, the establishment of hybrid tribunals in Syria with the participation of foreign judges, the conviction of war criminals by the national courts of foreign countries. Particular attention is paid to the quasi-judicial international impartial and independent mechanism for Syria. Reference is made to the experience of already established international criminal tribunals, in particular for Rwanda and the former Yugoslavia. A conclusion is drawn on the need to establish institutions for transitional justice on the long-suffering Syrian land.

Key words: war in Syria; international criminal justice; hybrid courts; an international, impartial and independent mechanism for Syria; universal jurisdiction; armistice agreements; massive violations of humanitarian law.

Революциями Бог карает людей и народы
Н. А. Бердяев

Сирийский кризис, разразившийся в марте 2011 года после массовых революционных выступлений, имеет множество измерений. Он может быть рассмотрен во внешнеполитическом контексте – как предмет приложения безуспешных усилий дипломатов едва ли не со всего мира. Он может быть рассмотрен в чисто военном ключе – с точки зрения оценки целей и имеющихся средств их достижения у противостоящих друг другу участников вооруженного конфликта. Наконец, он может быть рассмотрен во внутривнутриполитическом контексте – в аспекте выяснения того, как ведущиеся на протяжении семи лет боевые действия повлияли на позиции основных политических акторов (правящей партии БААС, семьи Асадов, «умеренной оппозиции» и т. д.). Но есть еще одна – международно-правовая – плоскость рассмотрения данной проблемы, которой и будет посвящена настоящая статья.

Следует отметить, что вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике (далее – САР), повлекший неисчислимые жертвы, давно уже переступил некий «порог серьезности», чтобы привлечь к себе внимание международного правосудия. Так, по предварительным данным, в сирийской бойне сгинуло около полумиллиона человек (из них 180 тысяч – гражданского населения), четыре миллиона стали беженцами, еще семь с половиной миллионов – вынужденно перемещенными лицами внутри страны. Прибавим к этому порядка двух тысяч человек,

утоновших при попытке добраться до материковой Европы [1]. Необходимо также учитывать, что едва ли не каждый день эти цифры меняются в сторону увеличения.

Многочисленные неправительственные организации, работающие в Сирии, составили даже своеобразный анти-рейтинг главных нарушителей (англ. *big sinners*) прав человека и международного гуманитарного права в ходе боевых действий. Так, первое место занимают Сирийские вооруженные силы, включая добровольческие «Национальные силы обороны», на долю которых приходится 78,8 % всех военных преступлений. Второе место принадлежит «Свободной сирийской армии», совершившей 12,5 % преступлений. И только третье место занимают ИГИЛ (запрещен в РФ) и экстремистское движение «Аль-Нусра» с 3,4 %. Наконец, четвертое и пятое места распределились между Военно-космическими силами РФ (2,6 %) и силами международной коалиции под руководством вездесущих США (менее 1 %) [2].

Очевидно, что международное правосудие может иметь место лишь там, где совершены тягчайшие преступления, угрожающие всей международной архитектонике, наподобие геноцида, преступлений против человечности или военных преступлений. Именно такие деяния послужили в свое время поводом для создания Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) и Международного трибунала по Руанде. Однако в ходе Сирийского вооруженного конфликта возникли такие правонарушающие практики, с которыми человечество сталкивалось много веков назад либо не сталкивалось вовсе. В числе последних, ставших, по образному выражению Независимой международной комиссии по расследованию событий в САР, «печальными ноу-хау» (англ. *sad know-how*) Сирийской войны, хотелось бы отметить следующие:

1. *Осадная война как средство принуждения к капитуляции* по принципу «сдавайся или голодай», символом которой, несомненно, стала осада второго по численности города страны Алеппо. Продлившаяся до конца 2016 года пятилетняя осада этого города, в особенности восточной его части, является беспрецедентным событием в новейшей истории. Даже продержавшаяся три года осада боснийской столицы Сараево в период Югославской войны 1991-1995 гг. уступает ей и по масштабу разрушений, и по количеству жертв. Достаточно сказать, что если до войны в Алеппо проживало 2 млн. 300 тыс. человек, то к моменту снятия блокады в декабре 2016 года – немногим более 200 тыс. [3].

В реальной жизни осада характеризуется тем, что в осажденные анклавы на ежедневной основе не допускаются поставки жизненно важных продуктов питания, медикаментов и других предметов первой необходимости; кроме того, во время осады осуществляются как неизбирательные, так и целенаправленные удары по объектам гражданской инфраструктуры, включая больницы, что подрывает жизнеспособность населения, живущего под контролем противоборствующих сторон. В результате такой тактики население лишается прав на свободу передвижения, достаточное питание, доступ к образованию и доступ к медицинскому обслуживанию, а во многих случаях и права на жизнь [4].

2. *Использование соглашений о перемирии в качестве основания для насильственного перемещения значительных групп населения*. Известно, что одним из средств прекращения кровопролития, хотя бы и временного, традиционно считаются моратории на ведение огня и локальные соглашения о перемирии (англ. *reconciliation agreement*), получившие относительно широкое распространение в Сирии. В этой связи можно упомянуть «Соглашение о четырех городах» в отношении Мадаи, Эз-Забадани, Фуаха и Кафраи, заключенное между правительственными войсками, ливанской «Хезбаллой» и Ираном с одной стороны, и оппозиционными движениями «Тахрир аль-Шам» и «Ахрар аль-Шам» - с другой [5]. Определенный вклад в популяризацию этой практики на сирийской земле внесли военнотруженики Координационного центра по примирению враждующих сторон, расположенного на территории российской авиабазы Хмеймим. По официальной статистике при посредничестве России были подписаны соглашения о примирении с представителями 702 населенных пунктов, а 69 вооруженных формирований присоединились к режиму прекращения огня [6, с. 183]. Однако и здесь существуют свои «подводные камни».

Как отмечается в докладе Независимой международной комиссии по расследованию событий в САР от 8 августа 2017 года, «все вышеупомянутые договоренности о перемирии включали в себя соглашения об эвакуации, которые привели к вынужденному перемещению из этих районов тысяч гражданских лиц» [4]. Иными словами, эвакуируя к границе провинции Идлиб гражданских лиц (в том числе врачей, гуманитарных работников, активистов, представителей гражданского общества и членов местных советов), которые являются или считаются сочувствующими оппозиционным группам, правительственные силы следуют заранее разработанной военной стратегии: перемещение населения в таких обстоятельствах позволяет удалить и самих активистов оппозиции, и поддерживающих их лиц, переселив их с территории «полезной Сирии» в одну и ту же область на северо-западе страны. В своих домах разрешают оставаться только тем гражданским лицам, которым предлагают заявить о лояльности правительству в форме примирительной процедуры. В целом план эвакуации, выполняющийся на всей территории страны, как представляется, направлен на принудительное изменение политической демографии ранее осажденных анклавов путем перекраивания и укрепления основ политической поддержки.

Очевидно, что все эти действия, несмотря на их внешний камуфляж, образуют состав такого военного преступления, как насильственное перемещение.

3. *Использование химического оружия*. В период с марта 2013 г. по март 2017 г. были зафиксированы 25 случаев применения химического оружия в САР, 20 из которых были совершены правительственными силами, а 5 других – ИГИЛ [4]. В частности, химическое оружие, чаще всего газы хлор или зарин, сбрасываются в виде авиабомб с самолетов российского производства «СУ-22».

Например, широкий резонанс получила химическая бомбардировка города Хан-Шайхун 4 апреля 2017 года, в ходе которой погибли не менее 83 человек, включая 28 детей и 23 женщины, а ранения получили 293 человека, в том числе 103 ребенка [4]. Очевидно, что в данном случае имели место сразу два военных преступления: применение

химического оружия и неизбирательные нападения на районы проживания гражданского населения. Кроме того, применение зарина является нарушением Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 года.

4. Важнейшей особенностью Сирийской войны являются *преступления против этнических меньшинств и культурного наследия*. Едва ли стоит подробно останавливаться на преступлениях против культурного наследия, поскольку кадры разрушенной боевиками ИГИЛ Пальмиры без преувеличения обошли весь мир. А вот преступления против этнических (курдов, езидов, друзов) и религиозных (христиан, алавитов) меньшинств требуют дополнительной рефлексии. Скажем, одним из наиболее активных участников описываемого конфликта являются курды – нация, не имеющая собственной государственности и лелеющая мечту о ее создании на обломках некогда единой Сирии. Их и без того непростое положение осложняется, в частности, тем обстоятельством, что в силу определенных перекосов в демографической политике на сегодняшний день женщин среди курдов гораздо больше, чем мужчин. Как следствие, в «Курдском народном ополчении» преобладают воины женского пола, которые по определению более уязвимы для противника, нежели воины-мужчины.

Хрестоматийным примером преступлений против курдского населения стала так называемая «резня в Кобани», которую острые на язык корреспонденты французской газеты *Le Monde* уже успели окрестить «сирийской Сребреницей» [7]. Около 4 часов утра 25 июня 2015 г. в город вошло около 100 боевиков ИГИЛ. Все они были одеты в форму Курдского народного ополчения или Свободной сирийской армии, что позволило им легко просочиться в город и первоначально, не привлекая внимания, перемещаться по нему. Переодетые боевики ИГИЛ переходили от дома к дому и произвольно убивали граждан. Снайперы, размещенные на зданиях, в том числе на крыше больницы организации «Врачи без границ», убивали граждан, выходящих на улицу. Приблизительно 250 граждан было убито, а еще сотни – ранено. Многие умерли у себя дома или в непосредственной близости от своих домов. Десятки граждан – многие из них женщины и дети – были схвачены и задерживались в качестве живого щита в зданиях, где занимали позиции снайперы. Те, кто был захвачен в качестве живого щита, либо сбежали, либо были спасены Курдским ополчением после столкновений [8].

5. *Неизбирательные обстрелы*. Здесь было бы уместно упомянуть бомбардировку ВВС США религиозного комплекса в Аль-Джине, произошедшую в марте 2017 года, в ходе которой было убито 38 человек, в том числе 1 женщина и 5 мальчиков. Еще 26 человек были ранены [4].

Примечательно, как вели себя представители военного командования после того, как в американских средствах массовой информации появилась информация о том, что в ходе бомбардировки пострадали невинные люди. 7 июня того же года представители Центрального командования Соединенных Штатов представили краткий обзор результатов расследования этого инцидента, в том числе интервью с «десятками лиц», ни одно из которых не присутствовало в Аль-Джине во время удара. Они пришли к выводу о том, что от удара погибло одно гражданское лицо, возможно, ребенок, однако отметили, что удар был соразмерным установленной военной цели, поскольку, по их утверждениям, он был нанесен по соседнему с молитвенным залом зданию, где проходила встреча «Аль-Каиды», на которой присутствовали «региональные лидеры» [4].

Помимо вышеуказанных, в ходе сирийского конфликта широкое распространение получили также такие преступления, как убийства, пытки, безрассудные казни, изнасилования и другие действия сексуального характера, атаки на медицинские учреждения, захват имущества, использование детей в качестве бойцов (в той же Пальмире у ИГИЛ была расстрельная команда, состоявшая исключительно из мальчиков), входящие в «джентльменский набор» любого мало-мальски серьезного военного конфликта. Однако возникает вопрос: каким образом мировое сообщество собирается искать пути выхода из сложившейся ситуации и насколько велик всеер имеющихся у него для этого международно-правовых средств? Думается, что их, по меньшей мере, пять.

1. *Создание отдельного международного уголовного трибунала для Ближнего Востока*. Такой позиции придерживался, в частности, недавно умерший египетский ученый-международник Ш. Бассиуни. В частности, он полагал, что сирийские события являются лишь эпизодом на фоне общей нестабильности на Ближнем Востоке, порожденной вначале интервенцией США в Ирак и Афганистан, а затем – чередой антирежимных выступлений, получивших название «Арабской весны». По его мнению, в будущем международном трибунале должна слушаться и получить соответствующую юридическую оценку вся сумма военных преступлений, совершенных на Ближнем Востоке, начиная с 2001 г., независимо от того, кто их совершил [9, с. 108]. К сожалению, голос ученого так и не был услышан.

Мировое сообщество отвергло этот вариант по двум причинам. Прежде всего необходимо принимать во внимание чрезмерную дороговизну международных уголовных трибуналов *ad hoc*. Например, бюджет МТБЮ в 2010/11 гг. составил более 286 млн. долл., в 2012/13 гг. – почти 251 млн., что составляло примерно четвертую часть всего бюджета ООН. Понятно, что помимо заработных плат непосредственно персоналу Трибунала, огромная часть этих сумм шла на оплату административных расходов, таких, как командировки, аренда зданий, услуги переводчиков, содержание арестантов и проч. Несмотря на высокие цели, стоимость поддержания работоспособности Трибунала в разы превышала стоимость национальных судебных юрисдикций [10, с. 12]. Неслучайно поэтому в своей Резолюции № 1934 от 26 марта 2004 г. Совет Безопасности ООН обратился к МТБЮ с просьбой принять все необходимые меры, чтобы закрыть расследования до конца 2004 г., завершить все разбирательства в первой инстанции до конца 2008 г., и завершить свою работу в 2010 г. согласно «Стратегии завершения» [11, с. 470] (реально МТБЮ прекратил свою деятельность только в декабре 2017 г.).

Кроме того, было очевидно, что новый трибунал станет привлекать к ответственности американских военнослужащих и их командиров за преступления, совершенные в Ираке и Афганистане, чего американское правительство допустить не могло. Тем не менее глубоко символично, что 30 октября 2017 г. Прокурор постоянно действующего Международного уголовного суда (далее – МУС) Ф. Бенсуда завершила предварительное

расследование в отношении преступлений, совершенных на территории Исламской Республики Афганистан, начиная с 1 июля 2002 г., и обратилась в Палату предварительного производства МУС с ходатайством о даче санкции на возбуждение полноценного расследования, в орбиту которого, судя по ее «Отчету о действиях по предварительному расследованию», должны попасть, в том числе, военнослужащие Вооруженных Сил США и ЦРУ.

Как бы там ни было, идея создания отдельного трибунала для Ближнего Востока оказалась, к сожалению, мертворожденной. Правда, западные авторы отмечают, что в ООН предпринимались попытки учреждения международного уголовного трибунала специально для Сирии на основании резолюции Совета Безопасности, как, скажем, это имело место в 1993 г. в случае с МТБЮ. Шесть раз указанная инициатива ставилась на голосование и все шесть раз как минимум один постоянный член Совета Безопасности – Российская Федерация – был против [12].

2. *Передача сирийской ситуации в МУС.* 22 мая 2014 г. Франция, заручившись поддержкой США, предложила передать сирийское досье в МУС. Ранее указанный механизм уже использовался в отношении другого государства, практически распавшегося вследствие «Арабской весны», - Ливии.

Как указывается в литературе, вскоре после Революции 17 февраля 2011 г. в «Ливийской Арабской Джамахирии» Совет Безопасности ООН был вынужден вмешаться в происходящее в этой стране (открытый вооруженный мятеж и попытка его подавления с использованием военной авиации и артиллерии), действуя на основании главы VII Устава ООН и принимая меры по статье 41 Устава Организации. Это было оформлено единогласно принятой резолюцией 1970(2011) от 26 февраля 2011 г. Соответствующие пункты в ней с 4 по 8 были объединены в особый подраздел «Передача дела в МУС» на основании пункта b статьи 13 Римского статута МУС. Это был уже второй за десятилетнюю историю Суда случай (после Судана в 2005 г.), когда на его рассмотрение передавалась ситуация в отдельно взятом государстве, не являющемся участником Римского статута [13, с. 34]. Однако в случае с сирийским кейсом аналогичный подход был назван Постоянным представителем РФ при ООН В. Чуркиным «контрпродуктивным» [7] и на указанную инициативу Россией было наложено вето.

Поясним читателю, что хотя Сирия присоединилась к Римскому статуту еще в 2000 г., тем не менее его окончательной ратификации национальным парламентом так и не произошло. Между тем юрисдикция МУС распространяется лишь на те страны, которые добровольно ратифицировали лежащий в основе его деятельности международный договор – Римский статут. Правда, в определенных случаях Римский статут допускает возможность передачи Советом Безопасности ООН ситуации, при которой были совершены подпадающие под юрисдикцию Суда преступления, Прокурору МУС независимо от воли политического руководства соответствующей страны. Однако для этого необходимо согласие всех постоянных членов Совбеза, достичь которого невозможно из-за активной вовлеченности России в сирийский конфликт.

3. *Создание гибридного суда с участием иностранных прокуроров и судей на территории самой САР.* 7 апреля 2017 года в верхнюю палату Конгресса США поступил законопроект под названием «Акт 2017 года об ответственности за военные преступления, совершённые в Сирии» (англ. «*Syrian War Crimes Accountability Act of 2017*»). В соответствии с его нормами предлагается учредить специальный гибридный трибунал для расследования трёх видов преступлений, имевших место на территории САР, начиная с марта 2011 года, а именно: 1) военные преступления; 2) преступления против человечества; 3) геноцид [14]. Думается, данная инициатива американских сенаторов, среди которых был и М. Рубио, один из конкурентов Дональда Трампа на президентских выборах 2016 года, является не столько типичным проявлением *Pax Americana*, при котором любое мало-мальски значимое событие мировой политики (гражданская война в Сирии – не исключение) должно получить соответствующую оценку Вашингтона, сколько попыткой хоть каким-то образом повлиять на многочисленные беззакония, творящиеся в Сирии.

Судя по инициативе американских сенаторов, будущий трибунал по Сирии будет принадлежать к числу «гибридных». Как отмечается в самом законопроекте, термин «гибридный трибунал» (англ. *hybrid tribunal*) означает временный уголовный трибунал, который состоит из национальных и международных адвокатов, судей и других профессионалов с целью осуждения лиц, виновных в совершении военных преступлений, преступлений против человечества и геноцида. Примечательно, что, по мнению американцев, трибунал должен существовать не сам по себе, а будет «вмонтирован» в более широкий контекст «транзитивного правосудия» (англ. *transitional justice*), включающего в себя, как сказано в том же законопроекте, целый комплекс «юридических, неюридических, формальных, неформальных, карательных и восстановительных мер, используемых в странах при переходе от состояния вооруженного конфликта или репрессивного режима». Традиционно в число таких мер, наряду с органами международного правосудия, входят комиссии по установлению истины, люстрационные процедуры, всевозможные репарации невинно пострадавшим и т. д. [15, с. 329].

Как указывает Г. Г. Шинкарецкая, гибридные суды являются «уголовными трибуналами третьего поколения» [16, с. 294]. Имеется в виду, что Нюрнбергский и Токийский трибуналы – международные трибуналы первого поколения – во многом были «судами победителей», поскольку в них заседали судьи из стран антигитлеровской коалиции. В МТБЮ и Международном Трибунале по Руанде (международных трибуналах второго поколения) правосудие осуществляли уже судьи из государств, не принимавших непосредственного участия в конфликте. И, наконец, в гибридных судах – трибуналах третьего поколения – судьи из развитых государств, прежде всего США и Западной Европы, совместно с судьями из государств, пострадавших вследствие ведения военных действий, и на территории последних осуществляют правосудие в отношении тех, кто обогрил свои руки кровью.

На сегодняшний день к гибридным судам относят: специальные судебные палаты по серьёзным преступлениям в Тиморе-Лешти (2000 г.); смешанные судебные коллегии в Косово (2000 г.); Специальный суд по Сьерра-Леоне (2002 г.); Судебную палату по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине (2005 г.); Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже (2006 г.); Специальный Трибунал по Ливану (2007 г.) [17, с. 446].

Но подлинно «звездным часом» гибридных судов стал 2015 год, когда подобного рода структуры почти одновременно были созданы в ЦАР, Колумбии и Косово.

Важнейшим достоинством гибридного правосудия является то, что данные суды максимально приближены к местам совершения преступлений (за исключением трибунала по Ливану в Лейдсендаме). Это обстоятельство имеет не только важный «демонстрационный эффект» для местного населения, но и является благом чисто с инфраструктурной точки зрения – как следствие, исчезает необходимость трудоёмкой доставки жертв и свидетелей преступлений в иностранное государство, как, скажем, это происходило в МТБЮ, ответственном за доставку участников процесса в Гаагу (Нидерланды).

Например, как установлено в Соглашении между ООН и правительством Сьерра-Леоне об учреждении Специального суда, «местопребыванием Специального суда является Сьерра-Леоне. Суд может заседать за пределами своего местопребывания, если он считает это необходимым для эффективного выполнения своих функций, и может быть переведён за пределы Сьерра-Леоне, если того потребуют обстоятельства...» (ст. 10) [18, с. 287]. Так, после ареста Ч. Тейлора в Нигерии он был доставлен во Фритаун. Однако сразу после этого председатель Суда, ссылаясь на Правила процедуры, заявил, что судить бывшего либерийского президента в Сьерра-Леоне небезопасно и что это может привести к новой волне беспорядков во всём регионе. По этой причине 16 июня 2006 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1688 (2006) о переводе процесса над бывшим президентом в Гаагу, в помещение МУС [19, с. 461].

С этой точки зрения крайне сомнительной выглядит идея учреждения гибридного трибунала на сирийской земле, где всё ещё продолжает полыхать огонь кровопролитной гражданской войны, отягощённой к тому же иностранным присутствием. Очевидно, что функционирование такого трибунала в условиях продолжающегося конфликта создаст неприсчитываемые риски для лиц, вовлечённых в его работу.

4. *Деятельность международного беспристрастного и независимого механизма по Сирии.* 21 декабря 2016 года, по инициативе Лихтенштейна и Катара, Генеральная Ассамблея ООН постановила учредить «Международный беспристрастный и независимый механизм для содействия проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьёзные преступления по международному праву, совершённые в ЦАР с марта 2011 года, и их судебному преследованию» (далее – механизм по Сирии) [20].

После многочисленных неудач, которые потерпело международное сообщество в своих попытках организовать юрисдикционный орган для Сирии, а также принимая во внимание тяжесть и беспрецедентный характер преступлений, совершённых во время сирийского конфликта, вплоть до применения химического оружия, данный вопрос, в конечном итоге, был вынесен на обсуждение Генеральной Ассамблеи, которая 105 голосами при 52 воздержавшихся и 15 проголосовавших «против» приняла Резолюцию 71/248. К слову сказать, аналогичная процедура – создание международного трибунала по решению Генеральной Ассамблеи – уже использовалась в международно-правовой практике при учреждении Административного трибунала ООН в 1949 году. Исходя из текста Резолюции, полномочия механизма по Сирии сводятся к двум основным моментам: а) сбору, обобщению, обеспечению сохранности и анализу доказательств нарушений норм международного гуманитарного права и случаев нарушения и попрания прав человека, а также б) подготовке материалов (папок-досье) с целью облегчить и ускорить проведение непредвзятых и независимых уголовных разбирательств в соответствии с международно-правовыми стандартами, национальными, региональными или международными судами или трибуналами, которые имеют или могут иметь в будущем юрисдикцию в отношении этих преступлений по международному праву [12].

Как видим, механизм уполномочен собирать доказательства или соответствующую информацию, касающуюся нарушений норм международного гуманитарного права и случаев нарушения и попрания прав человека. Он будет сводить воедино доказательства и информацию, получая их из других источников, в том числе от Независимой международной комиссии по расследованию событий в ЦАР, Совместного механизма по расследованию, государств, международных и региональных организаций, структур системы ООН, неправительственных организаций, фондов и отдельных лиц, либо по запросу механизма, либо по инициативе указанных источников. По мере необходимости механизм будет собирать дополнительные доказательства или информацию, в том числе проводить опросы, получать свидетельские показания, собирать документы и судебно-медицинские материалы.

Кроме того, на основе собранных, обобщенных, сохраненных и проанализированных документов и доказательств, подтверждающих случаи нарушения и попрания существующих норм, механизм будет готовить досье, содержащие информацию о преступном поведении лиц, несущих ответственность за такие деяния. Эти досье будут составляться на всех лиц, несущих наибольшую ответственность за совершенные преступления, независимо от их принадлежности или должностного положения. В такие досье будет включаться имеющаяся в распоряжении механизма соответствующая информация, документы и доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность и касающиеся вменяемых в вину преступлений, а также вида или видов уголовной ответственности, признанных по международному праву, включая ответственность командира или вышестоящих начальников.

3 июля 2017 г. Генеральным секретарем ООН был назначен руководитель механизма. Им стала судья из Франции К. Марчи-Уэль. Она два раза в год будет представлять Генеральной Ассамблее доклад об осуществлении своего мандата и, по мере необходимости, сообщать о финансовых потребностях механизма, сохраняя при этом конфиденциальный характер его основной работы.

На сегодняшний день уже увидели свет два доклада Генерального секретаря ООН (от 19 января и 16 августа 2017 года), посвященные осуществлению Резолюции 71/248, в которых делаются важные констатации относительно текущего состояния дел в механизме по Сирии.

Но если до создания региональных или международных судов нужно пройти весьма длительный путь, который при нынешних геополитических раскладах может занять ни один десяток лет, то в отношении национальных судов ситуация выглядит более оптимистичной.

5. *Осуждение сирийских военных преступников национальными судами иностранных государств, исходя из принципа универсальной юрисдикции.* Дело в том, что уголовно-правовой принцип универсальности, основанный на защите общих ценностей, предусматривает возможность распространения уголовной юрисдикции государства на деяния, признанные преступными по международному праву, независимо от гражданства совершивших их лиц и места совершения преступления. Из доклада неправительственной организации «Международная амнистия» следует, что 163 государства (приблизительно 84 % государств-членов ООН) предусмотрели в национальном законодательстве универсальную юрисдикцию за преступления, предусмотренные международным правом [21]. Например, в 2005 г. окружной суд Гааги осудил двух бывших афганских генералов ХАД за военные преступления и пытки, совершенные в 80-х гг. прошлого столетия в отношении граждан Афганистана. В том же году судья в Великобритании вынес постановление о заключении под стражу бывшего израильского генерала Д. Альмога в связи с его участием в серьезных нарушениях Женевских конвенций в Секторе Газа. Таким образом, ныне, как отмечает А. Г. Волеводз, «универсальная юрисдикция – это способность суда какого-либо государства судить лиц за преступления, совершенные за пределами его территории, которые не связаны с государством гражданства подозреваемого или потерпевших или ущемлением собственных национальных интересов этого государства» [22, с. 53].

Впрочем, применительно к украинскому кейсу, к которому апеллирует цитированный автор, следует учитывать, что, как подчеркивает Г. И. Богущ, Уголовный кодекс (далее – УК) РФ связывает возможность универсальной юрисдикции с наличием разрешительной нормы в международном договоре РФ. В свою очередь, анализ действующих международных договоров показывает, что универсальный принцип в России может быть применен в отношении лишь достаточно узкого круга международных преступлений наподобие пиратства. За пределами же универсальной юрисдикции РФ остаются и геноцид, и преступления против человечности, и военные преступления. Именно по этой причине все дошедшие до суда дела против украинских военнослужащих из «списка Бастрыкина» квалифицировались по статьям УК РФ об общеуголовных преступлениях [23, с. 39-41].

Не вдаваясь в нюансы дискуссии российских ученых-международников, отметим, что среди стран ЕС в деле уголовного преследования сирийских военных преступников лидируют Германия и Швеция. В последнее время активность в обозначенном направлении проявляет Испания – страна, в которой благодаря легендарному судье Б. Гарсону существуют укоренившиеся традиции привлечения к уголовной ответственности военных преступников из разных стран мира [24].

Так, немецкое законодательство предусматривает применение германского уголовного права в отношении деликтов, направленных против международно признанных правовых ценностей, преследование за которые согласно оценке международного сообщества без взаимодействия всех государств в полном объеме не представляется возможным. Это правило основано на так называемом принципе всемирного права [25, с. 88-89]. Более того, в соответствии с практикой Федерального конституционного суда ФРГ все законы, включая изданные позднее, должны толковаться и применяться в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года, на страже которой стоит Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) [26, с. 81].

В своем постановлении от 12 июля 2007 г. по делу *Йоргич против Германии* ЕСПЧ особо обратил внимание на то, что во многих государствах-участниках ЕВРОКОНВЕНЦИИ 1950 года судебное преследование по фактам геноцида относится к универсальной юрисдикции. Кроме того, Европейский Суд обратился к испанскому опыту, где Национальное судебное присутствие в своем решении, вынесенном по делу А. Пиночета, сделало вывод о том, что испанские суды обладают компетенцией для рассмотрения подобного рода дел. Применительно к Германии ЕСПЧ подчеркнул, что толкование национальными судами соответствующих норм и положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года и, как следствие, уголовное преследование гражданина Боснии за преступления, совершенные в боснийском городе Добой, не являются незаконными (пункт 70 постановления) [27]. Тем самым ЕСПЧ фактически развязал руки немецким судам в их стремлении привлечь к ответственности военных преступников из числа иностранцев. И результат не заставил себя долго ждать.

По состоянию на октябрь 2017 г. в Германии за преступления, совершенные на территории Сирии, были осуждены четыре человека – два боевика ИГИЛ (приговорены соответственно к 2 и 8,5 годам лишения свободы), один – из «Аль-Нусры» (приговорен к 3,5 тюремного заключения), а в отношении четвертого – представителя Свободной сирийской армии – судебное следствие еще ведется [28].

От своих немецких коллег стараются не отставать и шведы. Последние даже учредили специальную Комиссию по военным преступлениям, куда входят 13 следователей и 2 аналитика, занимающиеся сбором релевантной информации и допросами свидетелей. В шведской прокуратуре функционирует специальная команда прокуроров, куда входят 8 юристов, четверо из которых занимаются исключительно сирийскими делами. В результате в орбиту уголовного преследования попали три человека – два представителя Свободной сирийской армии (приговорены соответственно к 8 годам лишения свободы и пожизненному заключению) и один представитель правительственных войск (приговорен к 8 месяцам тюремного заключения) [28].

Не менее показательным выглядит начавшееся в июне 2016 г. во Франции уголовное преследование Р. аль-Асада, дяди действующего президента САР Б. аль-Асада, обвиненного вначале в финансовых махинациях, а затем – в геноциде по отношению к мирному населению во время «резни в Хаме» (1982 г.) [29].

Работу иностранных юристов существенным образом облегчает то обстоятельство, что Сирийская война по праву считается «самой задокументированной войной в истории человечества» [30]. Так, мировой сенсацией стали обнародованные в 2013 г. 50 тыс. фотографий из секретных тюрем, переданные прессе бывшим сотрудником сирийской службы безопасности под псевдонимом «Цезарь». Неслучайно поэтому одним из основных направлений деятельности западных спецслужб стал постоянный мониторинг сети «Интернет» на предмет идентификации лиц,

фигурирующих в видеоматериалах, связанных с применением насилия по отношению к военнопленным и мирному населению.

Резюмируя, следует отметить, что механизму по Сирии еще только предстоит утвердить себя в качестве эффективной структуры квази-обвинительной власти международно-правового характера, в то время как судопроизводство в отношении военных преступников в национальных судах является, пожалуй, наиболее востребованной формой воздаяния за совершенные на территории Сирии преступления, носящей, впрочем, пока еще выборочный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-Briefing-Syria_Documentation-2018.pdf.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdc-sy.net/wp-content/uploads/2017/08/July-report-Eng.pdf>.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publications.atlanticcouncil.org/breakingaleppo/wp-content/uploads/2017/02/BreakingAleppo.pdf>.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://undocs.org/ru/A/HRC/36/55>
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amnesty.org/download/Documents/MDE2473092017ENGLISH.pdf>.
6. Сирийский рубеж / Под ред. М. Ю. Шеповаленко. – М.: ЦАСТ, 2016. – 204 с.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://impunitywatch.com/wp-content/uploads/2015/04/Sadat-IW-FINAL.pdf>.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/IIICISyria/Pages/Documentation.aspx>
9. Белый И. Ю. Возможность создания специального трибунала по Сирии в контексте мирового опыта формирования органов международного уголовного правосудия // Право в Вооруженных Силах. – 2017. – № 5. – С. 107-111.
10. Григорьев В. Н., Антонов А. Н. Решение трибунала по бывшей Югославии по делу Готовина/Маркач как (очередной) провал международного правосудия // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 3. – С. 9-15.
11. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права. – М.: Весь Мир, 2017. – 1024 с.
12. Wenaweser C., Cockayne J. Justice for Syria?: The International, Impartial and Independent Mechanism and the Emergence of the UN General Assembly in the Realm of International Criminal Justice // URL: <https://academic.oup.com/jicj/article-lookup/doi/10.1093/jicj/mqx010>
13. Трикоз Е. Решение Палаты предварительного производства I Международного уголовного суда «О ходатайстве Прокурора на основании статьи 58 Статута в отношении М. Каддафи, С. Каддафи и А. аль-Сенусси» от 27 июня 2011 года // Международное правосудие. – 2012. – № 1. – С. 33-45.
14. Syrian War Crimes Accountability Act of 2017 // URL: <https://www.congress.gov/115/bills/s905/BILLS-115s905rs.pdf>
15. Бобринский Н. А. К вопросу о концепции «правосудия переходного периода» // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 328-337.
16. Шинкарецкая Г. Г. Смешанные уголовные трибуналы: новый вид правосудия? // Международное право и международные организации. – 2014. – № 2. – С. 294-303.
17. Институты международного правосудия: Учеб. пособие / Под ред. В. Л. Толстых. – М.: Международные отношения, 2014. – 504 с.
18. Соглашение между ООН и правительством Сьерра-Леоне об учреждении Специального суда по Сьерра-Леоне // Московский журнал международного права. – 2004. – № 1 (53). – С. 287.
19. Каюмова А. Р. Перспективы развития системы международной уголовной юстиции: смешанные (гибридные) трибуналы и интернационализированные суды // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. – М.: Ин-т права и публ. пол-ки, 2009. – С. 459-466.
20. Резолюция 71/248, принятая Генеральной Ассамблеей 21 декабря 2016 года // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/462/05/PDF/N1646205.pdf?OpenElement>.
21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amnesty.org/download/Documents/24000/ior530192012en.pdf>.
22. Волеводз А.Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 3. – С. 52-57.
23. Богуш Г. И., Есаков Г. А., Русинова В. Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. – М.: Проспект, 2017. – 176 с.
24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/03/27/world/middleeast/syria-crime-torture-assad-war.html>.
25. Фристер Г. Уголовное право Германии. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 712 с.
26. Галь фон К., Кутос Л. Применение международного права судами Германии // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 6. – С. 78-86.
27. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/18592417/>
28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2017/10/04/these-are-crimes-we-are-fleeing/justice-syria-swedish-and-german-courts>.
29. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trialinternational.org/latest-post/rifaat-al-assad-case/>.
30. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ictj.org/publication/justice-syrian-victims-beyond-trials>